
Беспартийный кандидат: граф И.И. Толстой и выборы в Государственную думу в 1907 г.

Инна Барыкина

A non-partisan candidate: Count I.I. Tolstoy and the election to the State Duma in 1907

Inna Barykina

*(Saint Petersburg State University, Russia;
Herzen University, Saint Petersburg, Russia)*

DOI: 10.31857/S2949124X23060056, EDN: NRPLCP

Манифест 17 октября 1905 г. и Основные государственные законы 23 апреля 1906 г. нередко воспринимались современниками как конституция. «Итак, свершилось: самодержавие пало», – записала в дневнике 20 октября 1905 г. Н.Н. Платонова, жена С.Ф. Платонова¹. Позднее В.С. Дякин, не одно десятилетие изучавший внутреннюю политику Николая II, размышлял о том, «где и когда пропущен поворот, за которым лежал правильный путь»². В известной мере выбор пути зависел не только от решений императора и его правительства, но и от способности общественных деятелей к сотрудничеству или дальнейшему противостоянию с властью.

Уступки, на которые под давлением революционных обстоятельств соглашалось пойти самодержавие, тщательно исследовались Б.В. Ананьичем, Р.Ш. Ганелиным, В.Г. Чернухой, В.А. Нардовой, А.Н. Цамутали, В.С. Дякиным, В.Н. Гинёвым и др. Однако степень готовности общества к компромиссу освещена в историографии гораздо меньше. Тем не менее Дякин отмечал работоспособность III Думы, сумевшей наладить взаимодействие с Советом министров³. По словам К.А. Соловьёва, «первые две Думы яростно боролись за расширение своих полномочий. Третья кропотливо работала и в итоге их расширила»⁴.

Впрочем, и её избрание в 1907 г. могло оказаться очередным «пропущенным поворотом», поскольку накануне выборов настроения кандидатов были весьма противоречивы, отнюдь не все стремились к примирению. Страна находилась в напряжённом ожидании, и накал страстей оставался довольно высоким. В водоворот избирательной кампании попал и гр. И.И. Толстой. Бывший министр народного просвещения в правительстве гр. С.Ю. Витте выступил как независимый кандидат с собственной программой. Аристократическое происхождение, принадлежность к интеллектуальной элите, близость к великим князьям, пост вице-президента Императорской Академии художеств и чин го-

---

© 2023 г. И.Е. Барыкина

¹ Платонова Н.Н. Дневник (1889–1921). Рязань, 2020. С. 143.

² Дякин В.С. Когда мы проскочили поворот? // Знание – сила. 1991. № 2. С. 2.

³ Власть и реформы. От самодержавной к Советской России / Отв. ред. Б.В. Ананьич. М., 2006. С. 501–505.

⁴ Соловьёв К.А. Самодержавие и конституция: политическая повседневность в России в 1906–1917 годах. М., 2019. С. 337.

фмейстера обеспечивали ему видное положение в правящих кругах империи. Однако, по сути, он никогда не был чиновником.

Окончив в 1881 г. юридический факультет Петербургского университета и прослужив несколько месяцев в МИД, граф в мае того же года перешёл в МВД, где стал делопроизводителем в Комиссии по питейному и переселенческому делу. В августе его назначили представителем ведомства в Переселенческой конторе, открытой в с. Батраки, недалеко от Сызрани. Считалось, что через этот перевалочный пункт на Волге проходило больше всего переселенцев, отправлявшихся в поисках свободных земель на восток. Конторе, состоявшей из четырёх человек (по одному от МВД, Министерства государственных имуществ, сызранского и самарского земств), следовало разъяснять крестьянам правила переселения, собирать данные о движении населения, выявлять нуждающихся для последующего их размещения на казённых землях за Волгой. При этом земские деятели сразу же отказались от какой-либо работы, сославшись на то, что, в отличие от чиновников, им за неё не платят жалованье⁵. К тому же выяснилось, что основной поток крестьян ещё весной прошёл через Батрацкий перевоз, да и те, кто им пользовался, не желали заполнять непонятные анкеты и привлекать к себе внимание властей. Впрочем, это не препятствовало Ф.А. Ройеву, более опытному коллеге гр. Толстого, посылать отчёты в Петербург и вести обширную официальную переписку⁶. В октябре граф вернулся в столицу (контора просуществовала до 1884 г.), где его служба с середины 1880-х гг. была связана преимущественно с научными и художественными учреждениями.

Заняв в конце октября 1905 г. по приглашению Витте министерский пост, гр. Толстой с энтузиазмом принял формирующийся, как ему казалось, «конституционно-парламентский режим», возлагал большие надежды на «первое объединённое правительство»⁷, предлагал его главе и императору обширную программу либеральных реформ (полное уравнивание в правах всех сословий и национальностей, обеспечение прав личности, веротерпимость, преобразование аграрных отношений и рабочего законодательства, развитие местного самоуправления и образования, отмена смертной казни и т.д.)⁸. Однако в апреле 1906 г. «кабинет» в полном составе был отправлен в отставку. Развивать свои идеи графу пришлось в мемуарах и рукописных набросках⁹.

В частности, в одной записке, сохранившейся, к сожалению, без начала и конца (но переписанной набело, возможно, для передачи читателю)¹⁰, он очертил устройство некоего идеального государства и даже нарисовал картину

---

⁵ При этом гр. Толстой произвёл на них благоприятное впечатление. А.И. Цимбалин, представлявший в конторе сызранское земство, писал ему позднее: «Мы часто вспоминаем Вас, дни, проведённые нами вместе, были приятны, ничем не запятнаны и навсегда останутся в памяти... Вы увезли с собою всё, что нас влекло в контору и подавало энергии» (ОР РНБ, ф. 871, д. 1364, л. 1).

⁶ Подробнее см.: *Барыкина И.Е.* У Батрацкого перевоза. Переселенческая контора в августе-сентябре 1881 г. // Развитие территорий. 2023. № 2. С. 48–54. Ироничные воспоминания гр. Толстого о его службе на Волге см.: ОР РНБ, ф. 781, д. 567.

⁷ Мемуары графа И.И. Толстого / Публ. Л.И. Толстой. М., 2002. С. 34, 241, 296, 318. Подробнее см.: *Ананьич Б.В.* И.И. Толстой и Петербургское общество накануне революции. СПб., 2007. С. 60.

⁸ Мемуары графа И.И. Толстого. С. 241, 318.

⁹ Мемуары графа И.И. Толстого. Подробнее об особенностях мемуаристики российских чиновников см.: *Чернуха В.Г.* Мемуары столичного чиновничества второй половины XIX в. // Исследования по истории внутренней политики России второй половины XIX века. Сборник статей В.Г. Чернухи к 90-летию со дня рождения. СПб., 2020. С. 449.

¹⁰ ОР РНБ, ф. 781, д. 215, л. 1.

этой вымышленной страны, расположенной на материке и островах¹¹, и придумал ей герб¹². В этом чувствовалось нечто общее с кассилевской Швамбанией.

Административная и законодательная власть в воображаемой графом федеративной демократической республике находилась в руках коллегиального органа, избираемого всеми совершеннолетними гражданами: «Совет в полном составе представляет собою ответственное правительство государства, и без его решения ни одна общая мера принята быть не может». Его заседания следовало проводить открыто и публично. На них, помимо прочего, «члены совета избирают из своей среды председателя на два года, 5 министров, 6 президентов штатов, 3 верховных судей, на тот же срок». Для выборов главы государства, а также в случае разногласий между ним и советом созывался конгресс: «Выборы членов конгресса производятся так же, как и выборы членов совета, и от тех же мест, но в двойном количестве. Эти лица вместе с членами Совета и составляют конгресс. В случае требования трёх штатов или не менее 25 000 совершеннолетних граждан может быть созвано общенародное собрание, которое на время своего существования входит во все права установленных властей, которые в это время могут действовать лишь по его поручению». Глава государства являлся гарантом конституции и «верховным блюстителем» законов. Ему также поручались «объявление войны и заключение мира, дарование каких-либо особых прав лицам и учреждениям, изменения в численности войск и флота, постройка крепостей, внутренние и внешние займы, образование новых штатов и экстраординарные мероприятия, не предусмотренные конституцией. Кроме того, глава пользуется правом помилования преступников, в случае ходатайствования об этом судей или присяжных». Особо оговаривалось, что «в обыкновенных случаях глава несменяем, и требуется лишь подтверждение его власти каждые пять лет всенародным голосованием»¹³.

В своём проекте граф пытался предусмотреть все возможные юридические казусы и скрупулёзно высчитывал число голосов, необходимое для решения каждого из них. Не менее подробно им был продуман бюджет: источники доходов и статьи расходов, размер подоходного налога, примерные сметы министерств (их предусматривалось пять — народного просвещения, путей сообщения, торговли и мануфактур, финансов, иностранных дел) и канцелярий. С особой детализацией приводились цифры по учебному ведомству. Определялась также численность войск, снаряжаемых от каждого штата и городов¹⁴.

В феврале 1907 г. гр. Толстой в письме к сыну перечислил первоочередные меры, которые считал необходимыми: «1) уничтожение смертной казни..., 2) уничтожение сословных привилегий (равенство всех перед законом), 3) равноправие евреев, 4) реформа жандармской полиции и подчинение её общим законам, дающим гарантии свободы личности, 5) отчуждение земли в пользу крестьян (хотя бы по кадетской формуле, несмотря на всю её непрактичность и беспросветную теоретичность), 6) реформа земств в демократиче-

---

¹¹ В очертаниях береговой линии её материковой части угадывался залив, похожий на Финский, и река, напоминающая Неву; острова же имели отдалённое сходство с Курильской грядой или архипелагами Океании.

¹² Поле щита, украшенного фригийским колпаком, разделялось на две горизонтальные части: в верхней изображались скрещенные морской якорь и молот, в нижней — шесть звёздочек, по видимому, обозначавших шесть штатов.

¹³ ОР РНБ, ф. 781, д. 215, л. 2–3.

¹⁴ Там же, л. 1, 3 об.

ском направлении и 7) всеобщее первоначальное обучение»¹⁵. Однако события развивались иначе, и 3 июня, беседуя с сыном о возможности компромисса между депутатами и министрами, Иван Иванович признал, что Дума служила «не идее эволюционирования государственного устройства России, а её революционированию», и поэтому правительство имело полное право распустить представительное учреждение. Между тем, «будь состав второй Думы поделовитее и менее левым, представительный образ правления в России был бы, конечно, окончательно обеспечен, а теперь приходится “начинать сказку сначала”». В том, что «окончательное возвращение к полицейскому государству невозможно», граф не сомневался, но перейти к правовому строю Россия, по его мнению, могла лишь в случае продолжения «Думского периода». «Самым выгодным и для правительства, и для страны решением возникшего вопроса, — полагал он, — было бы согласие Думы пожертвовать своими революционными сочленами; тогда, вероятно, Дума обеспечила бы себе пятилетнюю плодотворную работу, организовав устойчивое благоразумное большинство, избавившись от наиболее мешающего организационной работе элемента и предупредив опасность резкой реакции»¹⁶.

Роспуск II Думы и изменение избирательного законодательства гр. Толстой воспринял как «перелом в политике правительства», которое «перешло в решительное наступление»: «Администрация, сдерживавшаяся всё же несколько существованием Государственной думы... теперь почувствовала себя совершенно свободною»¹⁷. Можно было ожидать, что «правительство, раз решившись на самостоятельное изменение избирательного закона и убедившись в полной для себя безопасности (пока!) таких экспериментов, не постеснится и впредь держаться того же курса, меняя избирательный закон в ещё более ретроградном духе, если и третья Государственная дума ему не понравится. Это, несомненно, реальная, а не воображаемая опасность!»¹⁸.

И всё же граф не терял надежды на то, что представительные учреждения удастся сохранить. Для этого требовалось только, чтобы новая Дума оказалась «работоспособной», «была разумна и не предъявляла фантастических требований вроде уничтожения частной собственности»¹⁹. 20 июня он принял решение выдвинуть свою кандидатуру на выборах. Причём к политическим мотивам тут примешивалась изрядная доля любопытства, он не скрывал, что ему «интересно испытать и это в жизни»²⁰.

С августа Иван Иванович не раз высказывался в печати о задачах и значении III Думы. Первое интервью у него взял 10 августа сотрудник газеты «Страна» Я.Б. Бруксон, который, по словам графа, «сильно сократил разговор, но в общем изложил его вполне удовлетворительно»²¹. В конце месяца в газете «Слово» появилась большая статья гр. Толстого «Государство и школа», переизданная позднее под названием «Заметки о народном образовании в России»²². Затем он втянулся в газетную полемику с «Новым временем» о положе-

¹⁵ Цит. по: *Ананьич Б.В. И.И. Толстой и Петербургское общество...* С. 87.

¹⁶ *Толстой И.И. Дневник: в 2 т. / Сост. Б.В. Ананьич. Т. 1. СПб., 2010. С. 335–337.*

¹⁷ Там же. С. 338–340.

¹⁸ Там же. С. 345.

¹⁹ Там же. С. 359, 384.

²⁰ Там же. С. 348.

²¹ Там же. С. 361.

²² Мемуары графа И.И. Толстого. С. 321–368.

нии евреев, критиковал в газете «Русь» кадетский проект аграрной реформы. Настаивая на обязанности государства «вмешиваться там, где сил не хватает у слабого бороться с эксплуатацией», он писал: «В этом деле Дума может указать, что мелкая земельная собственность важнее, полезнее для государства, чем крупная, и поэтому принять меры к облегчению перехода крупных имений в руки крестьян, а не потому, что помещиков 130 тысяч, или 600 тысяч, или, напротив, всего 10 тысяч»²³.

«Биржевые ведомости» в октябре 1907 г. регулярно публиковали в разделе «Третья Дума и её задачи. Опрос кандидатов в члены Гос[ударственной] думы» интервью, знакомя избирателей с представителями разных партий. Среди них — октябристы С.П. Беляев и Г.Г. Лерхе, кадет А.М. Колобакин, член «Союза русского народа» И.И. Баранов и социал-демократ Н.Д. Соколов. 5 и 6 октября хроникёр газеты Л.Б. Клебанский дважды беседовал с гр. Толстым. Первое интервью, как утверждал граф, было «составлено неумело»²⁴, поскольку лишь кратко перечисляло основные положения программы: «Нам нужна, прежде всего, устойчивая конституция, не изменяемая по соображениям политического момента, нам нужны права человека, равенство всех перед законом, притом законом нелицеприятным и справедливым, нам нужно равноправие всех граждан без различия происхождения и веры, нам нужно широкое распространение образования, нужна реорганизация местного самоуправления на разумных демократических началах в интересах всех, а не кучки. Нужно, наконец, провозгласить громко этический принцип, что государство существует не для сильных мира сего, которые и сами для себя всё получают, а для слабых, для тех, которым борьба не под силу одним»²⁵.

На следующий день Иван Иванович попытался раскрыть свою позицию подробнее. Он говорил о том, что беспартийные кандидаты, которые пройдут в Думу, составив конкуренцию кадетам и октябристам, добьются объединения всех «истинно конституционных фракций» и поставят перед министрами «категорический вопрос: есть ли в России конституция и насколько конституционно само правительство». Граф почему-то был убеждён в том, что они получают положительный ответ, и тогда «Дума может приступить к продуктивной и плодотворной законодательной работе». Начать ей следовало с признания «равноправия всех населяющих Россию народностей», так как без этого «не может быть проведён в жизнь в прогрессивном духе ни один последующий закон, чего бы он ни касался». Так, «получи евреи раньше обсуждения паспортного вопроса равноправие — и паспортный вопрос не затормозился бы своим разрешением». Затем уже предстояло ввести всеобщее образование, преобразовать местное самоуправление и приступить к изменению аграрного законодательства. В частности, граф рекомендовал разработать «закон о прогрессивном обложении земли, что заставит крупных землевладельцев распродать свои поместья, а также «уничтожить Дворянский банк, оставив функционировать один только Крестьянский», поскольку «мелкое землевладение выгоднее для государства, чем крупное: мелкое землевладение даст больше дохода казне»²⁶. Впрочем, по словам гр. Толстого, и это интервью оказалось «составлено не-

²³ Русь. 1907. 5(18) октября. № 265.

²⁴ Толстой И.И. Дневник. Т. 1. С. 383.

²⁵ Политическая программа И.И. Толстого // Биржевые ведомости. 1907. 6 октября. № 10135.

²⁶ Биржевые ведомости. 1907. 7 октября. № 10137.

мело и замечательно пошло, а в подробностях просто неверно передаёт высказанные мною мысли»²⁷.

Разъясняя избирателям свои взгляды, гр. Толстой отправил утром 8 октября в «Биржевые ведомости» статью, которая появилась в тот же день в вечернем выпуске. В ней опровергались слухи о возможности союза кадетов и октябристов и утверждалось, что, споря о конституции, «российское народное представительство как бы проглядело главное — необходимость начать постройку нового строя нашего отечества, если дозволено так выразиться, с фундамента». В основу же его следовало положить гарантии прав человека, «обязанности государства поддерживать слабых против сильных», равенство всех перед законом и т.д. Исходя из того, что многообразие партийных программ способно «сослужить службу при венчании здания», а не при закладке «фундамента», граф советовал избирателям обратить внимание на независимых кандидатов, «которые не будут подсовываться им партиями, а которых они будут знать, которым они лично будут доверять, а не на основании одного партийного их диплома»²⁸. Ему явно казалось, что «многоглавый собственник будущего здания» оценит подобный призыв.

Тогда же граф задумал написать очерк «Россия накануне 3-й Государственной думы», так и оставшийся незавершённым. В нём отчётливо ощущалась неуверенность автора, отмечавшего: «Пока мы ещё находимся в “Думском” периоде нашей истории, так как несомненно будем иметь 3-ю Думу, которая будет последнею, предпоследнею или только одною из серии ряда последующих — этого мы пока не знаем». Неопределённость лишь усиливалась из-за того, что «правительство основательно разочаровано в Думах и было бы очень радо прикончить их, а масса населения, хотя и разочаровалась тоже в них, но пока не видит иного практического способа для изменения своего печального положения» и «осуществления хоть части своих надежд»²⁹.

Тем самым «правительство, и, наверное, и народ, по-видимому, относятся к Г[осударственной] думе отрицательно, но с двух противоположных точек зрения: правительство нашло и находит, что Дума желает присвоить себе слишком много прав, считает, что оно может совсем обойтись без неё, что польза её проблематична, а вред несомненен; народ находит, что Думе дано слишком мало прав, что у неё связаны руки и что она больше говорит, а дела не делает, и, наконец, не выражает его, народа, мнение, не печётся о его настоящих, насущных интересах». В итоге, «правительство не желает никакой Думы, но помирилось бы с такою, которая была бы исправлена по его рецепту; народ желает Думы, но не помирится с Думою, исправленною правительством, и перестанет ею дорожить, если план правительства удастся»³⁰.

Взаимопониманию препятствовало и то, что «правительство смотрит на Думу исключительно как на возможное средство борьбы с революцией, с анархией, хотело бы опереться на неё, найти в ней нравственную санкцию своих мероприятий в этой борьбе, а Дума настойчиво указывает на нужды страны, действительные или воображаемые — в данном вопросе даже безразлично, и вместо поддержки предъявляет требования, не правительству предла-

²⁷ Толстой И.И. Дневник. Т. 1. С. 384.

²⁸ Толстой И.И. К соглашению партии к.-д. и союза 17 октября // Биржевые ведомости. 1907. 8 октября. № 10138.

²⁹ ОР РНБ, ф. 781, д. 555, л. 1.

³⁰ Там же, л. 1–1 об.

гает свою помощь, а заявляет претензию, чтобы правительство ей помогало». В сложившейся ситуации, констатировал гр. Толстой, «возможна только уступка с которой-нибудь стороны». И, судя по его дневниковым записям, граф ожидал такого шага именно от общества, а не от «правительства», под которым в очерке он понимал «не отдельных лиц, не председателя Совета министров, даже не Совет министров как коллегия, а всю совокупность верхов правительственной машины, эту безличную, в сущности, организацию причастных к делу управления страной, которая неизвестно где начинается и где кончается, но которая имеет установленные мнения по всем практическим и теоретическим вопросам государственности». Иными словами, это по-прежнему был не европейский «кабинет», а некий «правлящий кружок, границы которого весьма слабо очерчены»³¹.

Так или иначе, отстаивать намеченную им «программу» в Думе гр. Толстому не довелось. Его попытка стать депутатом закончилась сокрушительным поражением. 19 октября он констатировал в дневнике: «Не скандал вообще, а лично для меня: я получил всего 66 избирательных голосов. Вперёд мне наука заниматься политикою! Против забаллотирования ничего не имею, но цифра поданных за меня голосов всё же невольно заставляет конфузиться — столь она смешотворна: хоть бы трёхзначное было бы число, а то при 45 000 избирателях получить 6 ½ десятков дружеских голосов (я их почти всех могу сам перечислить) просто комично, а смех, как известно, лучше всего убивает в политике»³². Этому не стоило удивляться, ведь, как установил Ананьич, граф «не приложил решительно никаких усилий для того, чтобы быть избранным, затратил ничтожные суммы на избирательную кампанию и отказался примкнуть к какой-либо из политических партий»³³. Тем временем оппоненты старались дискредитировать его взгляды и прежде всего — идеи полного национального равноправия, в том числе и для евреев. Конечно, гр. Толстой осознавал, что будет служить «мишенью для всяческого глумления и ругани» и у него «весьма мало» шансов на победу³⁴. Но, видимо, у него имелись и определённые надежды на среднего российского обывателя начала XX в. В своих выступлениях в ходе предвыборной кампании он очерчивал пределы уступок, на которые, по его убеждению, могло пойти общество в диалоге и сотрудничестве с властью. Он допускал отказ от радикальных требований, включая передел земельной собственности, но не от норм, определявших права личности. Это казалось ему вполне реалистичным. Однако, по справедливому замечанию историка, «выборы Толстого в Государственную думу, возможно, отражают и состояние общества, не готового принимать всерьёз политиков с подлинно либеральными программами»³⁵.

---

³¹ Там же, л. 1 об.—2 об.

³² Толстой И.И. Дневник. Т. 1. С. 387.

³³ Ананьич Б.В. И.И. Толстой и Петербургское общество... С. 90.

³⁴ Толстой И.И. Дневник. Т. 1. С. 348, 375.

³⁵ Ананьич Б.В. И.И. Толстой и Петербургское общество... С. 90.